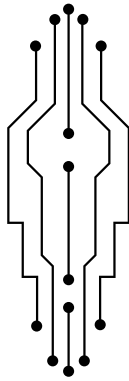

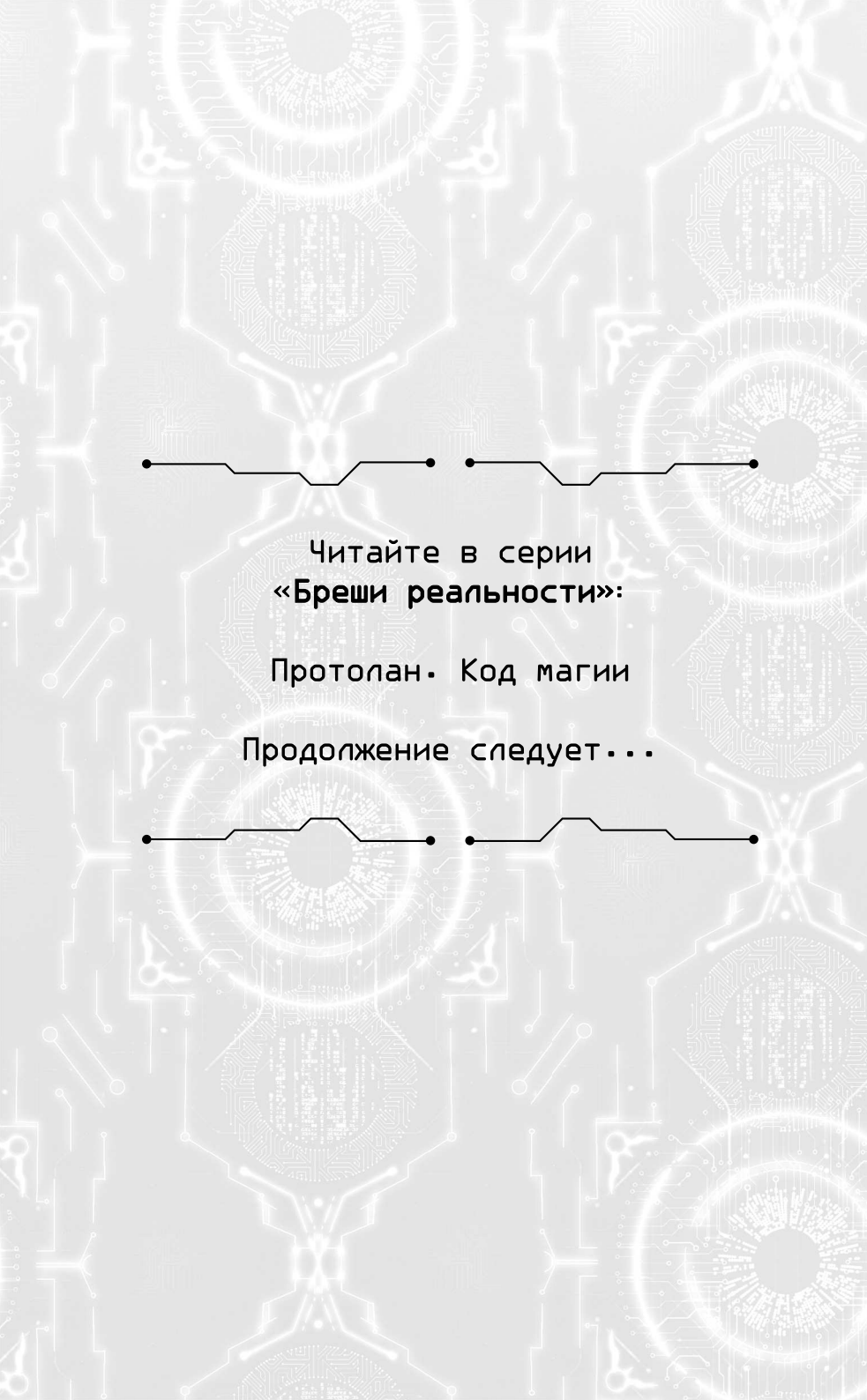
Александр Зимовец

ПРОТОЛАН. КОД МАГИИ

Москва
2025

Читайте в серии
«Бреши реальности»:

Протолан. Код магии

Продолжение следует...

Александр Зимовец

**ПРОТОЛАН.
КОД МАГИИ**

**Москва
2025**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-62

Иллюстрация на обложке и форзацах *LANCHEVA.ART*

Художественное оформление *Игоря Пинчука*

Зимовец, Александр.

3-62   Протолан. Код магии / Александр Зимовец. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-213749-5

Начинающий шестнадцатилетний программист Кирилл замечает в собственном доме кокон сияющих нитей, из которого на него неожиданно нападают существа из другого мира. Чудом юноше удается спастись и уничтожить неведомого монстра. Тогда его приглашают в магический Институт программирования, где учат создавать код на особом языке – Протолане, способном возводить защитные барьеры от демонических существ в нашей реальности. У Кирилла и его товарищей дела идут неважно: практическое задание грозит обернуться смертью, магические символы спрятаны глубоко в их собственном подсознании, а наставница Кирилла оказывается слишком привлекательной, чтобы он смог сосредоточиться... И как в такой ситуации не вылететь из Института?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213749-5

© Александр Зимовец, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

«На самом деле мы все не существуем.

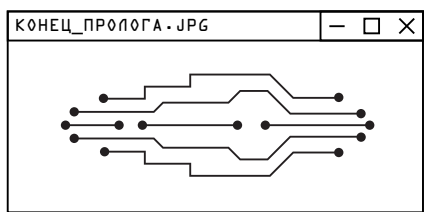
Руки, ноги, голова — это все одна видимость, а по факту есть только нули и единицы. И какой тогда во всем этом смысл? Чего ради мы тут убиваемся?!»

Э тот вопрос задал мне Кирилл Казаков, когда мы с ним сидели однажды вечером, в конце октября, на общажной кухне. Точнее, сидел-то только я, пялился в экран планшета, вертел в руках кружку с давно остывшим кофе и пытался понять, отчего хренова функция все никак не желает запускаться, хотя, по идее, должна. А я ведь еще даже не приступал к поиску гребаных спецсимволов, при одной мысли о которых хотелось бросить все и пойти работать на завод, крутить гайки! Кирилл же расхаживал по кухне из угла в угол, словно ему в ней тесно.

Не скажу, что его заявление меня сильно удивило. Все мы время от времени думали о чем-то подобном. Особенно по вечерам. Особенно на первом семестре. Особенно те из нас, кому никак не давался поиск этих чертовых спецсимволов.

А Кириллу пришлось, наверное, тяжелее нас всех. Это теперь понятно, учитывая весь тот треш, который он учинил. Уж на что у нас сумасшедший, но история Кирилла вышла даже по его меркам — просто из ряда вон! История, где любовь, программирование и магия переплелись между собой так тесно, что не разорвешь.

Многие потом его обвиняли, кое-кто даже говорил, что его и вовсе надо было убить или хотя бы отправить из института с синей таблеткой в зубах. Я этого мнения не разделяю. Я вообще думаю... Впрочем, кого интересует, что я думаю? Эта история не про меня, а про Кирилла, а я в ней лицо незначительное. Давайте уж о нем я дальше и буду рассказывать, а начну с самого начала.

ГЛАВА 1

А началось все с того, что Кирилл Казаков, в ту пору еще одиннадцатиклассник, сидел однажды февральским вечером в своей комнате за компом и пытался разобраться с неработающим кодом, который ему задали почистить от багов на курсах по программированию. Тогда это еще был не Протолан, а самый обычный, человеческий язык программирования. Кажется, JavaScript.

В комнате было темно. За окном мела метель, засыпая снегом узкий двор между двумя высотками в Новой Москве. На кровати в противоположном углу комнаты чуть мерцал в темноте мобильник, на котором младшая сестренка Кирилла Настя смотрела очередную дораму, заткнув уши наушниками.

Кириллу тоже изо всех сил хотелось заткнуть уши. За стеной в кухне ссорились родители. Впро-

чем, «ссорились» — не совсем правильное слово. Кирилл считал, что ссорятся люди сгоряча, а у них все началось уже давно, не меньше года назад, и стало привычным, бесконечным, как октябрьский дождь.

На людях родители еще держались, а дома предпочитали разговаривать только о насущном, чтобы «не начинать», но стоило кому-нибудь из них выпить, как он тут же шел к другому и заводил бесконечный разговор о том, как ему испортили жизнь.

Можно было бы подумать, что речь идет о потерявших человеческий образ алкоголиках, но это вовсе не так. Отец Кирилла — руководитель в IT-компании. Именно он привил сыну любовь к программированию и часто повторял, что это профессия будущего, причем почти единственная. Мать же преподавала в университете конституционное право. Просто так у них сложилось: хорошо, что до рукоприкладства не дошло.

В постоянных попытках выяснить, кто из них и перед кем больше виноват, родители доставали из шкафа истории из прошлого, одна омерзительней другой, даже не заботясь о том, что их могут услышать дети. Максимум заботы: закрыть дверь в кухню. Это помогало, пока они говорили вполголоса. Когда же переходили на крик — не работало совсем.

Кириллу было невыносимо все это слушать, он бы мог включить какую-нибудь музыку, но под музыку ему плохо думалось, а проклятый код упорно не желал работать, и Кирилл вновь и вновь всматривался слезящимися глазами в экран, пытаясь найти чертов баг, но уже мало что соображал.

Он мог бы пойти сейчас в кухню, наорать, потребовать, чтобы они прекратили. Он уже пробовал. Это ни разу не помогало. Оставалось сидеть здесь и чувствовать, как в нем закипает ярость, смешанная с отчаянием. Однажды в таком состоянии он чуть не запустил мобильником в окно. В последнюю секунду остановил руку. В другой раз пнул стаканом в стену, а потом долго собирал по постели осколки.

Кирилл знал, что родители, скорее всего, не разведутся. Что-то держало их вместе. А это значит, что все будет продолжаться снова и снова и не будет конца кошмару. А самое главное, что Кирилл любил обоих и не хотел их развода. Или хотел? Да какая разница?!

Иногда он мечтал уехать куда-нибудь, да только куда? Если бы жил в каком-нибудь другом городе, то обязательно поехал бы поступать в Москву. С его-то оценками обязательно поступил бы. Но вот беда: он жил как раз в Москве. А куда из нее уедешь? Разве что за границу, но

такое обучение родители бы не потянули, да и какая заграница в две тысячи двадцать третьем году? Даже смешно. Поступать предстояло в Москве, а это значило — еще как минимум пару лет в отчем доме, пока не начнешь параллельно с учебой зарабатывать на съем квартиры.

Разноцветные строчки кода смешивались в голове с доносящимися из-за стены обрывками фраз, и Кирилл уже не до конца понимал, где заканчивается ругань и начинается программа. Казалось, функции на экране тоже ругаются между собой. Он пытался сосредоточиться, собраться, понять, откуда же взялась ошибка. Какая именно ошибка? То, что код не желает работать как положено, или то, что два любимых им человека портят ему и друг другу жизнь?! Он чувствовал, как ярость вскипает все сильнее и в ее вихре исчезают, затягиваясь в воронку, и код на экране, и ругань за стеной. Остается только бессильная злость, черная и горячая, словно кофе.

Он не сразу понял, как в темной комнате появился еще один источник света, помимо экрана ноута и Настиного мобильника. А когда оторвал утомленный взгляд от экрана, похолодел. На стене с бежевыми обоями, прямо над его кроватью, висело нечто, похожее на переплетение светящихся нитей. То и дело между нитями вспыхивали цифры, буквы, еще какие-то непо-

нятные символы, смахивающие на китайские иероглифы.

Кирилл зажмурил глаза и снова открыл их. Ничего не изменилось: клубок мерцающих нитей размером с экран ноута или чуть больше был на месте.

«Вот так это и начинается, — пронеслось в голове Кирилла. — Здравствуй, шиза. Говорить родителям или нет? Сейчас, пожалуй, и не поверят: решат, что все выдумал. А если поверят, потащат к врачам... не хочу! Не хочу! Какого черта?! Почему всякое дерьмо случается именно со мной?! А может, оно само пройдет?»

Он встал из-за стола и медленно, крадучись, подошел к мерцающему клубку. Тот стал деформироваться: уже походил на прямоугольник с закругленными углами. Светящиеся нити тянулись из одного угла к другому, извиваясь, словно живые. Похожие на прореху в разорванной рубашке. И сквозь прореху то и дело виднелось что-то темное... а может быть, просто стена комнаты?

Кирилл дотронулся до Настинного плеча — сестренка вздрогнула и выдернула наушники.

— Настен, ты тоже это видишь?

— Чего? Ты нормальный? Не пугай меня так. — Она присела на кровати и испуганно уставилась на брата огромными серыми глазами.

— Вон там, на стене, посмотри.

— Ничего там нет. Кир, ты это... ложись уже. Совсем поехал со своим программированием.

— Серьезно, нет? Ты не видишь?..

— Мне страшно, Кир... Скажи, что ты шутишь...

— Да... э... я правда шучу... — Он протянул руку, чтобы взъерошить ее волосы, и без того спутавшиеся от подушки.

— Не смешно, — буркнула Настена и, надув губы, снова надела наушники.

Кирилл сел на свою кровать, стараясь не смотреть на то, что теперь было почти над головой. Пока он не спросил Настену, у него еще теплилась робкая надежда: это явление обычного мира. Например, кто-то светит лазером в окно и проецирует эту штуку на стену. Может же такое быть? Но если она не видит, значит, эта хрень у него в голове. Значит, правда шиза. Черт, до чего обидно!

Кирилл протянул руку, попытавшись дотронуться до одной из змеящихся ниток. Она стала извиваться быстрее, задрожала, будто хотела уклониться от прикосновения, но Кирилл выбросил руку вперед и схватился за нее. В следующую секунду показалось, что он ухватил оголенный провод. Комната озарилась сперва зеленой вспышкой, затем малиновой, в ушах раздался

отчаянный гул самолетного двигателя, а пальцы пронзила острая боль. А потом Кирилл осознал, что комнаты больше нет.

Точнее, не было его привычной комнаты, в которой прошло все его детство: с книжным шкафом, половина которого была заставлена Настениными куклами, с письменным столом, где в углу он в первом классе разрисовал обои ручкой, с ноутбуком и его полуотвалившимся экраном. Кирилл находился в большом, темном и гулком помещении, похожем на подземную парковку, только без машин. Сидел прямо на холодном, покрытом слоем пыли бетонном полу. И единственным, что роднило это место с его комнатой, была все та же конструкция из хаотично клубящихся разноцветных нитей.

Только теперь она изменила цвет: в его комнате отливала зеленым, а здесь налилась тревожно-красным. И здесь еще чаще были видны возникающие то здесь, то там в просветах между нитями непонятные символы и даже их последовательности, отдаленно похожие на строчки кода на экране оставшегося в комнате компа.

— Эй?! — крикнул Кирилл, но ответило ему только гулкое эхо.

Где он?! Как это вообще возможно?! Даже если это шиза... разве бывает так, что она переносит тебя мгновенно черт знает куда?!